

Жизнь у Саватеевых текла по давным-давно установившемуся распорядку. Конечно, детали менялись, но основное оставалось неизменно.

Юрий поднимался около шести утра и, тихо одевшись, шел умываться, готовил кофе, а потом закрывался в своем кабинете. Ирина часто просыпалась от его шевелений, шума воды из крана, мягких, но все равно слышимых шагов, и порой уже не могла уснуть, но вставать не спешила: знала – для мужа эти утренние часы очень важны, в это время он пишет главное...

Раньше, когда дети учились в школе, уже в семь в квартире начиналась суэта, разговоры, включался телевизор, а теперь сын и дочь выросли, живут отдельно, и тихое утро растягивается до десяти.

Когда не спится, Ирина пытается читать, в последнее время пристрастилась к разным постам в соцсетях; встает она около восьми, занимается домашними делами, стараясь не шуметь, готовит завтрак.

Ирина не работает – тот журнал, в котором была редактором много лет, закрылся, а на новое место устроиться оказалось непросто. Иногда из издательств к ней обращаются с предложением отредактировать книгу, случается, сами авторы – таких, правда, теперь очень мало, – просят прочесть на предмет ляпов и неточностей, и платят за это пусть немного, но все-таки...

Впрочем, Саватеевы не нуждаются. Юрий обрел известность в начале девяностых, когда накрылась вся эта советская литература с ее иерархией, потребовались свежие имена, и одним из них стал тридцат-

тилетний в то время Юрий Саватеев, автор нескандаальной, но крепкой, настоящей прозы. Были опубликованы в журналах его повести и рассказы, вышли один за другим три сборника, и с тех пор раз в год-полтора издаются новые, переиздаются прежние, случаются премии, то солидные в денежном наполнении, то скромные, но всё равно влияющие на продаваемость книг Юрия, повышающие его статус.

Основные же деньги приносят колонки, которые он пишет, семинары, рецензии на опыты учащихся Школы литературного мастерства... Каждая колонка, рецензия, семинар оплачиваются скромно, но, как говорится, курочка по зернышку.

Квартира у Саватеевых хоть и трехкомнатная, но комнаты маленькие, от центра далековато. Их, в общем-то, устраивает. От лишних вещей избавились, часть мебели отдали детям, часть просто вынесли к контейнерам. Сделали ремонт, заказали натяжные потолки. Просторно, воздуха много. В центр часто ездить причины нет – тем более теперь рукописи и отправляются по Интернету, и доводятся дистанционно. А рядом с домом Свибловский парк, Яуза – можно отдохнуть от города с его вечным гулом, суетой, запахом сгоревшего бензина...

Гуляют, надо признаться, нечасто. Юрий просиживает за столом часов по шестнадцать. Конечно, с перерывами на еду, на телевизор, который смотрит коротко и как-то слепо, размышляя в это время о том, что пишет, что нужно написать.

Ирина не тормозит его и не мешает, и в этом ее роль, если хотите, миссия. Да, такое высокопарное слово вполне уместно. Не мешать, создавая спокойную атмосферу, избавлять от мелких проблем.

Она, ясное дело, знает оскорбительное словцо «жопис», которым припечатывают таких вот женщин – жен писателей, которые сами ничего вроде бы не добились, живут при известном, а то и знаменитом муже.

Наслушалась Ирина этого шипящего «жопис» в спину от молодых прозаичек, поэтесок, окололитературных особ, которых всегда достаточно на церемониях вручения премий, фуршетах. И всегда, услышав, она мысленно отвечает фразой из фильма «Москва слезам не верит»: «А ты с ним по гарнизонам помотайся». Это когда героиня Ирины Муравьевой завидует жене моложавого генерала.

У них не было особых «гарнизонов», хотя первые годы оказались непростыми. Юрия почти не печатали, квартиру снимали; он работал то в газетах, но быстро понимал, что журналистика мешает ему как прозаику и уходил в грузчики, дворники, а то и вовсе в никуда, потом возвращался в газеты и снова уходил. Сидел на кухне – квартира была однокомнатная, – и писал, писал... В такие периоды существовали в основном на зарплату Ирины.

Она никогда не попрекала мужа, даже если с деньгами становилось очень туго, ни минуты не сомневалась, что он – талантливый, настоящий, и вот-вот это поймут редакторы, издатели. И они поняли.

Она оберегала Юрия, морально помогала ему и в этом смысле была классической женой писателя. А эти, которые шипят ей вслед, что они могут? Что им надо? Им страстей подавай, веселья и слез, сцен, карнавала... Ирина знает, к чему это приводит, чем кончается. Сколько одаренных ребят погибло из-за этих страстей...

Юрий уцелел. Не спился, не запутался в девках, не залез в петлю. Иногда, конечно, выпивал, встречался с приятелями в ЦДЛ или в рюмочной на Большой Никитской. Но именно – иногда. В основном же

сидел в кабинете и работал. А потом получал вознаграждения: приглашения на церемонии объявления лауреатов премий, поездки во Францию, Китай, Финляндию, а однажды даже на Кубу... И везде он берет с собой ее, Ирину, жену и соратницу. Друга и помощницу. Он делит с ней свои лавры...

Ирина накрывает на стол и начинает поджидать его выхода. Как всегда, волнуется в эти минуты. Как поработал, как чувствует себя... Вообще-то Юрий болеет редко, ничего – ни желудок, ни суставы, ни давление – не беспокоит. Но вот уже почти десять, а он с шести утра на одной чашке кофе. И выкурил за это время – считай, натошак – сигарет десять.

Одно время она просила его, даже настаивала перед первой сигаретой выпивать стакан кефира или съесть булочку, но Юрий говорил, что после этого очень трудно писать. И Ирина бросила. Он прав, наверное, тем более что биографии многих великих писателей показывают – они тоже работали с пустым желудком, а завтракали очень поздно...

Открылась дверь кабинета, и вышел Юрий. Сказал как бы с недоумением:

– О, привет, Риш?

И Ирина поняла, что утро у него получилось. Когда не получалось, он был словно побит, обнимал ее и здоровался жалобно, как маленький, слабый...

Сели есть. Ирина приготовила кашу «Пять злаков» на молоке, порезала ветчинную колбасу, сварила по яйцу в мешочек.

Юрий ел жадно, но, скорее, не из-за голода, а просто не контролировал себя, оставаясь мыслями в работе.

– Как пишется? – спросила Ирина, чтоб вернуть его сюда на несколько минут. Сюда, к ней.

– Пишется? – Юрий оторвался от тарелки, поднял отяжелевшие глаза. – Пишется... Вопрос теперь надо ставить иначе: зачем писать? Что толку? Чья совесть от моей писанины делается чище? Чья совесть от этого заболит? – Он замолчал и после паузы заговорил быстрее, дрожащей скороговоркой: – У меня, как я узнал сегодня, нет совести, у меня есть только нервы. Обругает какая-нибудь сволочь – рана. Другая сволочь похвалит – еще рана... Им ведь все равно, что я пишу! Они всё сжирают! Душу вложишь, сердце свое вложишь – сожрут и душу, и сердце. Мерзость вынешь из души – жрут мерзость... Им все равно, что жрать. Они все поголовно грамотные, у всех у них сенсорное голодание... И они все жужжат, жужжат вокруг меня – журналисты, редакторы, критики, бабы какие-то непрерывные... И все они требуют: давай, давай! И я даю, а меня уже тошнит, я уже давным-давно перестал быть писателем... Какой из меня к черту писатель, если я ненавижу писать, если для меня писание – это мука, постыдное занятие... У меня физиологическое отправление. А я продолжаю, продолжаю каждое утро... Я верил, что кто-то становится лучше и честнее от моих книг. Чище, добрее... Никому я не нужен... Я сдохну, и через два дня меня забудут и станут жрать кого-нибудь другого... Я хотел переделать их по своему образу и подобию. А они переделали меня по своему. Это раньше было будущее, маячило где-то за горизонтами, а теперь нет никакого будущего. Оно слилось с настоящим. А разве они готовы к этому? Я пытался подготовить их, но они не желают готовиться, им все равно, они только жрут. И теперь я хочу одного – покоя. Понимаешь? Покоя! Больше не хочу ту дрянь, которая у меня накопилась, никому на голову выливать.

Юрий замолчал и снова навис над тарелкой. Жадно, но и с отвращением бросил в рот ложку каши.

– Что ты такое говоришь? – сказала Ирина и услышала, что голос ее хриплый, как будто ее чуть не задушили и сломали что-то в горле. – Зачем?

Тело было каменным, она не могла шевелиться. Не понимала еще, но уже знала, что произошло страшное. Рухнуло и придавило ее, и ей не выбраться.

Юрий повозил ложкой в тарелке и посмотрел на нее. Но теперь взгляд теплый и озорной.

– Хорошо сыграл? Мне говорили, что у меня есть актерский дар... Это монолог Писателя из «Сталкера». Помнишь – фильм Тарковского... Верней, не из фильма, а из сценария... Стругацкие, конечно, оригинальные были ребята, а Тарковский испортил, считаю, почти всё отсек, весь смысл... Сейчас вот прочитал сценарий и, видишь, с ходу запомнил.

Юрий пригляделся к Ирине и затревожился:

– Ну ты чего? Поверила, что это я сам?.. Ри-иш?.. Да это шутка... Так мощно посидел с утра, пять страниц выдал, ну и решил почитать. Наткнулся на сценарий Стругацких в Интернете, и как-то так зацепило... А мы, писателя, любим, когда собратья плачутся. И мне вот захотелось... Риш, ты чего?..

– Да, – с усилием отозвалась она, – правдоподобно получилось. – И попыталась улыбнуться. – Чай черный будешь, зеленый?

– Зеленый, лапулюшка моя доверчивая... Кстати, Тарковский от Стругацких требовал ускучить сценарий. Хм... Что-то есть в этом – ускучить... Все стремятся к экшену, действию, к динамике, а он – ускучить... Само слово-то какое...

Продолжение дня было обыкновенным, и следующий ничем особенно не отличался от предыдущих, и еще десяток... Будни.

А потом Юрий протянул ей стопочку еще теплых, пахнущих принтером листов.

– Закончил повесть.

Ирина всегда становилась первой читательницей его вещей. Не боялась делать замечания. Иногда Юрий пытался спорить, объяснить, но чаще соглашался. Не так: «Да, ты права», – а молча. Просто, читая повесть, или роман, или рассказ напечатанными, Ирина видела, что тот и тот, и вот тот эпизоды переделаны так, как предлагала она.

– Поздравляю, любимый.

Пообедали, минут пятнадцать посмотрели телевизор, и Юрий поднялся.

– Что ж, пойду вымучивать колонку. Предложили про грамотность написать... Оказывается, есть День грамотности... Колонку назову – «Относительное понятие»... – И, выходя из комнаты, бросил взгляд на повесть; Ирина ответила ему своим взглядом: сейчас начну читать.

Устроилась в кресле, большом – можно сидеть, поджав под себя ноги, а так как-то уютнее; зажгла торшер. Взяла со стеклянного столика листы.

«Давно, еще до рождения Ильи Погудина, Кобальтогорск был цветущим оазисом цивилизации посреди Саянских гор и тайги... В пятидесятые годы, когда начинались великие стройки, неподалеку от того места, где позже вырос поселок, нашли залежи кобальта, никеля, меди

и решили ставить комбинат. Для полутора тысяч рабочих рубили в котловине меж двух хребтов дома, затем стали возводить кирпичные и бетонные двухэтажки».

Юрий был родом из Сибири, и сквозной темой его творчества стала жизнь ее населения. Раньше он часто ездил на малую родину, возил Ирину и детей, а последние годы находил темы, сюжетные завязки в Интернете.

«Илья прибыл домой двадцать пятого июня. Родители отложили разговор на вечер. Или на завтра. Отпустили погулять с Валею.

Гулянье получалось невеселым.

После объятий и поцелуев, до сих пор неумелых – тычки губами в губы и щеки, – побрели по тротуару с присыпанными щебенкой ямками. Ямок было много, щебенка хрупала под ногами».

О чем повесть, Ирина в общих чертах знала – Юрий делился с ней задумками: студент Илья Погудин, уроженец поселка, одичавшего после закрытия комбината. Илья не помнит хороших времен, он родился тогда, когда одичание шло полным ходом. Родители не смогли вовремя уехать, пытаются выжить здесь, да еще и заработать сыну на учебу. Ему на вступительных экзаменах не хватило нескольких баллов для бюджетного места, предложили поступить на платное, обещая, что если сдаст сессию на отлично, переведут на бюджет. Но вечно по какому-нибудь предмету выходит четверка, и Илья остается на коммерческой форме. Он уже на третьем курсе, порывается бросить универ, но родители против: зря, что ли, столько потратили сил... И вот сын приезжает на каникулы, которые будут посвящены сбору грибов и ягод, шишек, чтобы попытаться продать их и собрать ему на предстоящий семестр...

Ирина давно не могла непредвзято оценить, сильно или не очень написано то или иное произведение Юрия. Когда читаешь на протяжении больше тридцати лет каждый текст одного автора – в данном случае собственного мужа, – привыкаешь к стилю, манере, мировоззрению. В любой повести, любом рассказе, романе Юрия имелись смысл, идея, и они были близки ей. Юрий писал для того, чтобы сделать людей лучше, обратить их внимание на – пусть это прозвучит банально – униженных и оскорбленных. А таковых и сегодня немало...

Ирина привычно увлеклась, вжилась в сюжет, увидела героев, и тут, неожиданно и резко, как в момент, когда вроде бы уже совсем уснул, вспоминается что-то несделанное, или что-то плохое, и это сдирает теплое покрывало сна, она вспомнила слова мужа: «Я ненавижу писать... постыдное занятие... У меня физиологическое отправление. А я продолжаю, продолжаю каждое утро... Больше не хочу выливать дрянь, которая у меня накопилась...»

И глаза перестали видеть строчки, и сколько она ни пыталась вернуться к чтению, не получалось.

Тогда, за завтраком, она не обиделась на Юрия, не разозлилась, даже не ощутила сострадания – слишком сильно была потрясена. Придавлена. Потом, как ей показалось, отошла, а сейчас поняла – нет.

Она не бросалась, даже мысленно, такими словами как «гений», «лучший», но чувство, соответствующее им, сопутствовало всей ее жизни с Юрием. И вот каких-то двадцати фраз, не его даже, не им созданных, а из чужого текста, но сказанных, как свои, хватило, чтоб «гений», «лучший», исчезли. Остались сухие белесые разводы, как от испарившейся морской воды.

«Вышли, – Ирина заставляла себя читать дальше, вгоняла каждое слово в голову, как гвозди в доску, – вышли на центральную... на центральную площадь поселка – Октябрьскую, – непомерно... непомерно большую, пред... предназначавшуюся... когда-то для многотысячных демонстраций и парадов... и парадов. Теперь же, в полупустом Кобальтогорске, она... в полупустом Кобальтогорске... она смотрелась, как пустыня. Бетонные плиты крошились, из швов и трещин лезли трава, кусты, ростки черемухи... ростки черемухи, березок. Их вырывали – жители пытались сохранить поселок в порядке, – но безуспешно... сохранить... безуспешно... рано или поздно площадь превратится в пустырь, а потом... превратится в пустырь... и в лесок».

Закончив абзац, на который ушло минуты две, Ирина с облегчением отвела от бумаги ноющие глаза. Посмотрела на темный экран выключенного телевизора, на тахту, на которой они спали с мужем. «Спали с мужем», – повторила про себя, как о другой женщине и другом мужчине. Поежилась от прокатившихся по спине ледяных мурашек... За мурашками заколотилось в груди. Сердце...

– Что ж это.

Во рту стало горько-горько. И Ирина вспомнила, что так же горько становилось в детстве, когда ее обижали.

Медленно поднялась, достала из коробки упаковку корвалола, проглотила две таблетки.

Вернулась в кресло, уселась, поправила торшер, чтобы свет падал на бумагу насыщенней, стиснула стопочку двумя руками и уперлась в строчки. Сколько раз она читала всякое по обязанности, неужели сейчас не сможет дочитать повесть мужа... Но вместо слов на бумаге появилось лицо Юрия, тяжелый взгляд, и зазвучал его глуховатый голос: «Я даю, а меня тошнит, я уже давным-давно перестал быть писателем... Какой из меня к черту писатель, если я ненавижу писать».

Положила бумагу на столик, закрыла глаза и отвалилась на спинку.

Открылась дверь кабинета. Мягкие шаги. Вошел Юрий.

– Ну как? – спросил и боязливо, и в предвкушении похвалы.

– Извини... Я еще не дочитала.

– Да? Там полтора листа всего...

– Что-то нехорошо мне, – сказала Ирина с усилием. С усилием потому, что слово «нехорошо» было неточным.

– М? А что болит?

– Так... Недомогание какое-то.

– Может, лекарства?

Ирина кивнула:

– Уже приняла.

Юрий постоял рядом, погладил ее руку и тихо ушел.

Следующий день начался как обычно. Юрий встал около шести, умывшись и сделав кофе, засел в кабинете. Ирина подремала, посмотрела новости в айфоне, прочитала несколько анонимных исповедей в паблике «Подслушано»; одна исповедь поразила – жена вытаскивала у мужа из пупка катышки, это сделалось для нее этаким традицией, а потом катышки перестали появляться, жена спросила мужа, вытаскивает ли он эти катышки, муж сказал «нет», и таким образом жена поняла, что у него появилась любовница... В половине восьмого поднялась, приняла душ, приготовила завтрак.

За завтраком Юрий спросил о ее здоровье.

– Вроде получше, – сказала она. – Сейчас буду дочитывать.

Он кивнул.

Поели, поцеловали друг друга в щеку, и Юрий вернулся к себе; Ирина села в кресло, стала читать.

Несколько строк влились легко, а потом опять ступор, невидимый, но непреодолимый тупик, и – лицо мужа. То, когда говорил о писательстве. И дальше читать уже не получилось. Перебралась на тахту, с тахты – за свой письменный стол... Нет. Нет, нет...

Легла. Смотрела в потолок, пытаюсь сообразить, что с ней, разбить это состояние.

Ближе к обеду заглянул Юрий.

– Ну как?

– Плохо... Голова болит.

Но голова у Ирины не болела. Наоборот, была какой-то деревянной.

– Лекарства пила?

– Да.

Не пила. Знала уже, что не помогут.

– Ну ладно, – сказал Юрий. – Полежи.

После обеда – новая попытка читать. И всё повторилось. Ирина заплакала от досады на себя. И вдруг почувствовала к повести отвращение. К этой непрочитанной, но существующей.

Испугалась, принялась убеждать себя, что это не так, что это минутное. А чувство отвращения разрасталось, и вот уже все написанное Юрием стало для нее ложью, гадостью, обманом, в который она верила тридцать лет.

Ужин сил готовить не было. Слышала, как Юрий вышел из кабинета, постоял в дверном проеме в спальню, определяя, дышит ли Ирина, и она задышала громче – жива, спит. Он прошел на кухню, что-то поел... Походил по кухне, по комнате, которая раньше была детской, а теперь считалась кабинетом Ирины.

И вот вошел сюда, в темную, тихую спальню. Постоял. Ирину стал заливать страх.

– Ты спишь? – спросил шепотом.

– Уже нет.

– Как себя чувствуешь?

– Так... Юра, – решилась признаться, – я не могу читать твою повесть.

Он как-то судорожно вздохнул, а потом хрипнул:

– Почему?

– Только начинаю, и вспоминаю твои слова... Те, про писателя... Стругацких... И мне кажется, что это ты о себе. И – не могу читать. Уверенность, что смысла никакого нет.

– Хм! В каком смысле – нет смысла?

Ирина понимала, что нужно сесть – лежа говорить неудобно и невежливо. Тем более говорить о серьезном. Но не могла. Наоборот, прикрыла лицо рукой, будто защищаясь.

– Ты так убедительно это сказал, что я поверила. Не умом... умом-то я понимаю, что это ты сыграл, а... У тебя в одном рассказе есть слово сибирское – «кишошно». Нутром вот так, до кишок каких-то поверила.

– Ну ведь это шутка! – снисходительно отозвался Юрий. – Розыгрыш обыкновенный.

– Я понимаю.

– Ну и что тогда?

– Я уже объяснила – что. Точнее объяснить не могу... Извини меня, пожалуйста. Уверена, это пройдет, но сейчас – не могу.

– М-да, – вздохнул Юрий. – Не знаешь, где на что наткнешься.

Два дня он не напоминал о повести. Но наверняка замечал, что она лежит на стеклянном столике все на той же странице. На третий, после завтрака, очень осторожно спросил:

– Как, не получается читать?

И Ирина твердо – было время понять, что нужно быть честной – кивнула.

– Ох-х-хох, – Юрий поморщился так, словно удерживал слезы, – что ж, заставлять не могу. Странно, конечно. Из-за шутки – и так.

– Мне тоже странно. И страшно. Но, Юр...

– Ладно, не надо. – Голос его стал сухим, металлическим. – Спасибо, всё было вкусно. Пойду у себя посижу.

– Только не нервничай. И не кури много, пожалуйста.

– Боишься, что потолки пожелтеют?

Это походило на начало ссоры...

Ирина помыла посуду, пошла в спальню. Рукопись лежала на столике.

Хотела взять ее и заставить себя читать. Пересилить это идиотское состояние. Протянула руки, и в горле булькнула тошнота. И снова стало горько во рту... Легла.

Через час открылась дверь кабинета, и Ирина почувствовала, что Юрий заглядывает сюда. Замер. Увидел, наверное, что к повести не притрагивались, и вбежал.

– Так нельзя, Ира! – закричал визгливо, дико. – Нельзя так мучить человека! За что?! Что неудачно пошутил? Прости. Прости меня! Но не смей меня мучить! Нужно уважать мой труд...

Ирина дрожала. Не от страха, а от отвращения. И с ужасом понимала – к Юрию. Теперь уже к Юрию.

Он пометался по спальне, упал в кресло и схватил рукопись. Стал ею трясти.

– Я!.. Может, это главное, что я сделал... Ради этого писал остальное. Готовился, руку набивал... Может, поэтому и ляпнул тогда из «Сталкера». Иначе взорвался бы... Нужно было выпустить пар... А ты... Ира, ты меня убиваешь сейчас... У-би-ва-ешь! Ты не можешь вот так... За пять дней не соизволить прочесть двадцать страниц... Не поверю... – И его крик разом превратился в рыдание: – Пожалуйста, Риша... Прочитай... Мне необходимо, чтоб ты... Скажи мне, что я написал... Это говно или нет... Пожалуйста... – Съехал на пол и пошел на коленях к тахте. – Я пошутил... это шутка была... Ирочка, пожалуйста. Я пошутил, пошутил. Я писатель, я пошутил тогда. Мне необходимо, чтоб ты сказала... Прочитай и скажи... Писатель или нет уже... Риша, пожалуйста! Ира!

Ирина смотрела на Юрия и видела пожилого, жалкого и совсем чужого ей человека.